А.Н.КАРСАНОВ

ОДУХОТВОРЕНИЕ ВЕТРА В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ".

Вследствие перепада атмосферного давления в разных местах Земли возникают различные ветры, от легкого дуновения ветерка до сокрушительных все сметающих ураганов. Если времена года определяются положением Земли по отношению к Солнцу, то изменения погоды в том или ином месте Земли зависят от ветра. С глубокой древности люди задумывались над происхождением ветров и создавали о ветре разные фантастические гипотезы. Согласно мировоззрению древних людей воздух представляет собой одну из фундаментальных стихий мироздания. Воздух и огонь связываются с мужским, легким, духовным началом, а земля и вода связываются с началом женским, тяжелым, материальным. Человек живет, вдыхая воздух, поглощая кислород и выдыхая углекислый газ. Поэтому люди воспринимают воздух как основу жизни. В Библии сказано: "И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою" [1]. В Евангелии от Иоанна сказано, что воскресший Иисус пришел к ученикам, "дунул, и говорит им: примите Духа Святого" [2].

"Повесть временных лет" под 980 г. сообщает: "И нача княжити Володимеръ в Киевѣ единъ и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь" [3].

В "Слове о полку Игореве": "Се вѣтри Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъки Игоревы"; "Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: "О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши! Чему мычеши хиновськыя стрѣлки на своею нетрудною крилцю, на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горѣ под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?" В объяснительном переводе "Слова" Д.С. Лихачев указывает: "Вот ветры, внуки Стрибога [бога ветров], [уже] веют со стороны моря [с половецкой стороны] стрелами на храбрые полки Игоревы [битва началась перестрелкой из луков]"; "Ярославна рано плачет в Путивле на забрале [на переходах городских стен], приговаривая: "О ветер, ветрило! Зачем ты, господин, веешь наперекор [навстречу русским полкам]? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого [в би-

тве на Каяле ветер дул на русских со стороны моря, со стороны половцев]? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю [ты] развеял?"[4].

В "Задонщине": "Уже бо, брате, возвеяша сильнии вѣтри с моря на усть Дону и Непра, прилелѣяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавые зори, в них трепещут синии молнии"[5].

В русской средневековой литературе имя Стрибог неоднократно встречается вместе с именами других языческих богов: "А друзии вѣруютъ въ Стрибога, Дажбога и Переплута, иже вѣртяче ся ему пиють в розѣхъ"; "Еще и иныя идолы мнози бяху по имени, Утъляд или Осляд, Корша или Хорсъ, Дашуба или Дажб[ог]ъ, Стриба или Стрибог, Симаргля или Семурглъ, и Макош или Мокошь"[6].

По поводу этимологии имени Стрибог были высказаны следующие точки зрения. А.Афанасьев считал, что слово "стри" означает воздух, поветрие[7]. Е.В.Барсов указывал, что "Стрибог - есть божество чисто стихийное (стри общего корня с греческого ζρῆβολος вихорь)". В русской топонимии: Стреево (Боровский уезд, Калужской губернии), Стрибоже озеро, Стрибож, Стригород[8]. В Суджанском уезде Курской губернии речка Стригосля[9]. М.Вей, предположив, что начальная группа *st* - может восходить к *pt* -, а *stri* может быть рефлексом *ptri*, рассматривал это имя как *pəter dyëus, pəter bhagos* — "отец-небо"[10]. По мнению В.И.Абаева, Стрибог из иран. *Sribaga* — "прекрасный бог"[11]. Б.А.Рыбаков, обратив внимание на гипотезу М.Вея, добавил к ней русское слово "стрый", обозначающее брата отца; "стрый" - "отцовский" и рассматривает имя Стрибога как одно из имен-эпитетов верховного небесного божества. Стрибог - "бог - отец". "Верховный, небесный характер Стрибога подчеркнут тем, что в "Слове о полку Игореве" ветры названы "стрибожьими внуками". Следовательно, Стрибог на два мифологических поколения старше простых стихий, он - дед ветров, т.е. повелитель повелителя ветров"[12]. М.Фасмер связывал имя Стрибог - "бог ветров" с др.- иран. *Sribaga* — "возвышенный бог", а этимологию М.Вея считал недостаточно убедительной[13]. Вероятно, иранская этимология имени Стрибог является наиболее достоверной. Также иранские этимологии имеют имена богов Хорса и Семаргла"[14]. Эти иранские этимологии объясняются многовековыми свя-

зями юго-восточной части славян (поляне, северяне) с сармато-аланским населением Северного Причерноморья.

В фольклоре многих европейских народов ветры олицетворялись в образах крылатых людей. Фантазия древних людей представляла ветры "дующими - выпускающими из своих открытых ртов вихри, вьюги и метели. Средневековое искусство воспользовалось этим языческим представлением и постоянно изображало ветры в виде дующей человеческой головы. На наших лубочных картинах ветер и "дух бурен", приносящий град и снег, изображаются в виде окрыленных человеческих голов, дующих из облаков.... Крылья, данные ветрам, - эмблема их быстрого полета". Нередко быстрота и порывистость ветра представлялись в виде быстро летящих птиц, чаще всего в виде орлов. На средневековых миниатюрах ветры изображались с птичьими головами. Бурные порывы ветра и шумно падающие дожди сравнивались с "летучими" стрелами. В "Слове" ветры "вѣютъ съ моря стрѣлами", "итти дождю стрѣлами". В восточнославянском фольклоре к ветрам обращаются с просьбами о помощи, как к существам живым и готовым помочь в беде [15]. Что касается обращения Ярославны к ветру, то в этом обращении содержится не просьба о помощи, а упрек ветру в помощи половцам - врагам ее мужа.

По наблюдениям Филарета, "в народных поговорках и поверьях сохранились кое-какие указания на языческие верования северян. Говорят: "гоне (бежит), як вітрив батько". Здесь нельзя не узнать Стрибога и стрибожьих внуков, известных по "Слову"... В народном рассказе "вітрив батько" изображается седым стариком с длинной белой бородой, одетым в белую рубашку. По другому рассказу, рассылает он сыновей (стрибожи внуци) во все стороны. У народа есть полевой Дидко, с плетью, свитой из соломы; этой плетью, помахивая, колеблет он хлеба и травы. Пред началом посева поются в честь Дидка хвалы и мольбы" [16].

А.Афанасьев указывал, что "другие названия, даваемые славянами богу ветров, были Pogoda и Pochwist . В областных говорах погода употребляется в смысле: громовой тучи, ветра, метели, бури (Полт. губ.), дождливого или снежного времени, погодица—вьюга, метель, погодиться - становиться ненастью... Похвист или Посвист (обл. хвистеть - свистеть, хвищ - свищ) - сложное из слова свист (= завывание бури) с предлогом по. В белорусской думе, напечатаной в сборнике Кулиша, вспоминается бог Посвис-

тач. Собираясь отплыть в сине море, князь и его дружина стали "Свойму богу Посвистачу молытьця, /Щоб вин їим годыну дав, /Та моря не турбівав"[17].

Как писал Е.В.Барсов, "в народных представлениях ветер олицетворяется в образе богатыря Ивана, ветрова сына. В царском тереме сидела дочь во тьме и мраке; но вот она провертела перстом небольшую скважину на белый свет: подул в нее вихорь, и она зачала сына, которого и назвала Иваном, ветровым сыном. Тесно стало ему богатырю в тереме – и он сразу его разрушил; тесно стало ему затем и в царском дворце, тесно стало и в целом царстве – и вот он пошел в поле потешить свою силу: здесь он встречается с другими подобными себе богатырями – Дубином Дубиновичем, Горыном Горыновичем и Кощеем-бессмертным. Так явилась на свет стихийная сила ветра; грозные тучи, темные, как лес, величавые, как горы, не могут стоять перед силой ветра; разгоняя их, он побеждает и самого Кощея, тогда как от щита его все истаивает и исчезает.."[18].

Среди персонажей восточнославянских волшебных сказок встречаются Иван Ветрович, Иван-Ветер, Иван Ветров[19].

П.П.Чубинский записал в Волынской губернии сказку "Про вітрового батька": "Бувъ то собі такій чоловікъ, він бувъ вітеръ , и було въ ёго дванадцять сынивъ:але вінъ самъ нікольы не дувъ – все дулы ёго сыны. Отъ, приходять всі дванадцять сынивъ до батька та й кажуть:

– Тепера підемъ, та будемъ дуты такъ, щобъ всі горы и ліса поздувать, щобъ скрізь рівно було.

Пішлы ото воны; якъ заходились дуты, якъ заходились дуты, так розгойдалы на морі хвилі , що ще більши, якъ хаты, идуть една за другою. А імъ трабуло всімъ переходыты черезъ море; сталы воны переходыть, и всі до едного потонулы. А батько іхъ, вітеръ, и дознавсь; сівъ собі, та й сумуе"[20].

В русских сказках действуют братья-ветры ("роза ветров"). В одной сказке с помощью южного ветра герой преодолевает огромное расстояние. В другой сказке старушка-мать Ветрова, у которой четыре сына: Ветер Восточный, Ветер Полуденный, Ветер Западный и Ветер Полуночный[21].

Среди русских заклинаний есть такое: "На море, на Океане, на

острове Буяне, живут три брата, три ветра, один северный, другой восточный, третий западный. "Навейте, нанесите вы, ветры, печаль, сухоту рабе (имя рек), чтобы она без раба (имя рек) дня не дневала, часа не часовала "[22]. В русских заговорах упоминаются семь братьев, буйных ветров: "Встану я раб божий и пойду в чистое поле под восточную сторону. Навстречу мне семь братьев, семь Ветров буйных. "Откуда вы, семь братьев, семь Ветров буйных идете? Куда пошли?" - "Пошли мы в чистые поля, в широкие раздолья сушить травы скошенные, леса порубленные, земли вспаханные". - "Подите вы, семь Ветров буйных, соберите тоски тоскучие со всего света белого, принесите к красной девице (имя рек) в ретивое сердце; просеките булатным топором ретивое ее сердце, посадите в него тоску тоскучую, сухоту сухотучую" [23].

Из женских песен русского населения Архангельской губернии: "Не бушуйте - ткось ветры буйны со чиста поля/Не мечите снегу буйного на мое подворье"; "Накатись, навались туча темна, грозна, /Повыпади из тучи стрела громова, / Ты убей, зарази постылого мужа, / Сохрани, сбереги сердечного друга". /Накатилась, навалилась туча темна, грозна, / Повыпала из тучи стрела громова, / Убила, заразила сердечного друга, / Сохранила, сберегла постылого мужа" [24]. В песнях западных украинцев есть обращение девушки к ветру: "Повѣй, вѣтре, вѣтроньку, /Съ Побережа въ Литвоньку! / Занеси вѣсть милому, / Шо я тужу по нёму "[25]. Из украинской женской песни: "За ворота выходила, / Зъ витромъ буйнымъ говорила: / "Да не вій, витре, да тыхенькій, / Да повій, витре, да буйненькій" [26]. Белорусские девушки обращались к ветру: "Повень ветру з того краю, / Дзе мой милы, што кохаю: /Нихай ж я буду знаци, / Зкуль яго прижидаци" [27].

В народе к ветру относились не просто, как к живому человеку, а почтительно, как к господину. Ярославна в своем обращении к ветру дважды назвала его "господином". А.Н.Афанасьев приводит такой рассказ. Шел мужик, а навстречу ему идут мужики: Солнце, Ветер и Мороз. Мужик им поклонился, а Ветру "еще поклон на особицу". Этот "лишний" поклон разгневал Солнце: "Постой, мужик! Вот я тебя сожгу!" А Ветер возразил: "Я повею холодом и умерю жар". Мороз пригрозил: "Мужик,я тебя заморожу". Ветер же объявил Морозу: "Я повею теплом и не допущу тебя". В сборнике сказок А.Н. Афанасьева дан белорусский вариант этой сказки, записанный в Гро-

дненской губернии. Сказки на этот сюжет известны и у других народов [28].

У крестьян Орловской губернии А.Трунов записал сказку с этим сюжетом. В сказке мужику встретились три господина, которым он поклонился. Господа спросили мужика, кому из них он кланялся. "Осмелюсь спросить вас, господа, кто, вы изволите быть?" Один, полный, толстый, краснолицый, как кровь с молоком, говорит: "Я Солнце". Другой, невзрачный, седой, с нависшими белыми бровями, и сжавшийся, как комок снегу, отвечает: "Я Мороз". Третий, губастый, с одувшимся лицом, с растрепанными волосами, в распахнувшейся широкой свите, говорит: "Я Ветер". Ветер произвел на мужика более страшное впечатление, чем его товарищи. Мужик и говорит: "Будь не в обиду вам, господа милостивые, я поклонился вот его милости, губастому Ветру". Ветер был очень рад, что мужик оказал ему почтение, и смеялся над своими товарищами. Солнце и Мороз, негодуя на мужика, грозились: первое сжечь его, когда он выедет весной пахать землю под яровое, а второй заморозить зимой, где бы ни встретил его". Далее в сказке рассказывается о том, как Ветер защитил мужика от козней Мороза и Солнца. Очень интересны в сказке описания солнца, мороза и ветра в образах живых людей. На Орловщине ветер назывался "буйный молодец, безрукий хватало". Это прозвище дано ему потому, что "он раскрывает соломенные крыши, раскидывает сено со стогов и копен, уносит муку с открытых возов, мешает при очистке и молотьбе хлеба и т.д. В подобных случаях выражаются: "Вот безрукий хватало шалит!" [29].

На Украине и в Белоруссии рассказывают о людях, захваченных вихрем и пропавших без вести. На недругов говорят проклятия: "Щоб тебе вихрами та бурами винесло!"; "Вихорь табе подыми!" и т.п. На Украине вихри называют чертовой свадьбой. Крестьяне до сих пор верят, что теплые, весенние ветры происходят от добрых духов, а вьюги и метели - от злых [30]. П.С.Ефименко указывал, что в Малороссии "в вихре обыкновенно признают, и видят дьявола, и по тому всякий, подвергшийся действию сильного ветра, обыкновенно садится на землю и крестится, желая тем отогнать от себя разгулявшегося дьявола" [31]. Русское население Архангельской губернии считает, что "вихрь - черт. Вихрь- есть нечистая сила, которая увидевши, что поднимается гроза, бежит от нее дальше, чтоб не поразила стрела. Желающие видеть нечистую силу - вихрь,... должны, снявши с себя

крест, смотреть в наклонном положении меж ног. Смотрящие таким образом, будто бы видели вихрь в виде огромнейшего человека, машущего руками и бежавшего ..."[32].

Народная мудрость, выраженная в пословицах и поговорках, говорит: "Ветер - господин"; "Отколь ветер - оттоль и погода (оттоль и дождь)"; "Ветер - Божие дыхание" (Галиция). Хороший попутный ветер в Поволжье и на Каспийском море называют "святым воздухом": "Святой воздух, помоги нам!" - молят ветер каспийские рыбаки; "Святой воздух апостольские скатерти (паруса) надувает" (Поволжье). В Архангельской и Олонецкой губерниях попутный ветер называют "поветерь", "поветерье". Женщины поморов Кольского уезда Архангельской губернии, чтобы вызвать попутный ветер для возвращающихся с промысла рыбаков, исполняют особый обряд, который называют "моление ветра". Вечером, к возвращению рыбаков, женщины всего селения выходят к берегу моря, "молить ветер, чтобы не серчал...". Молят ветер и сами мореходы: "Батюшка, припади", - обращаются они к ветру во время безветрия в плавании. Поморы горорят, что не следует грести в попутный ветер, чтобы "не дразнить ветра", выказывая как бы недоверие к нему. Силен ветер, а людских невзгод развеять не может: "Ветры кручины не размыкают"; "Не было горя, да ветры навеяли". Происхождение вихрей приписывают нечистой силе: "Вихрь - черт с ветром играет"; "Вихрь пыль столбом несет - чертова свадьба"; "Вихрь столбом - черт с ведьмой венчается "; "Когда черт свадьбу справляет (вихрь), надо бросить в вихрь нож - увидишь кровь и беды избежишь" (Ворон. губ.); "Вихорь производить дiаволъ: якъ стане сатанiнъ лiтить по землi , то и знимается вихорь" (Киев. губ.); "Иде Дух Господнiи и дух лукавый, и Господнiи Дух разгоняе дух лукавый; од ёго и бувае вихор" (Харьк. губ.); "Малороссы объясняют появление вихрей перед грозой демоническим их происхождением; по их поверью, вихрь - это черт, убегающий от удара громовой стрелы" (Волын. губ.) [33].

По мнению Б.В.Сапунова, плач Ярославны является типичным языческим заговором. В горестную минуту Ярославна обращается не к Господу или к Богородице, а к ветру, Днепру, Солнцу. В Киевской Руси "в результате сложного взаимодействия поверхностно усвоенного православия с остатками язычества появилось совершенно оригинальное синкретическое мироощущение, которое современники удачно назвали "двоеверием"... Двоеверие" распространялось не только

среди сельского и необеспеченного городского населения древней Руси.. Есть все основания утверждать, что в XII в. "двоеверие" проникло в княжескую среду... Образ Ярославны, конечно, не укладывается в рамки христианского искусства... учитывая широкое распространение, которое получило в XII в. "двоеверие", можно утверждать, что образ княгини, обращающейся за помощью к языческим богам, был весьма типичен для своего времени. Для XIII в. такой образ был менее характерен, а для XIУ в. совершенно невозможен ".[34]

На примере ветра мы видим сколь длительными и устойчивыми были анимистические представления восточных славян. С глубокой древности до XX века сохранялось у русских, украинцев и белорусов отношение к ветру, как к живому существу, иногда доброму, иногда злому, от которого зависит погода на земле. Это существо надо попросить, помолиться ему, чтобы он принес дождевые тучи или подул в нужном направлении, или не дул очень сильно. "Слово о полку Игореве" сближается с произведениями народного фольклора, в которых сохраняется древняя традиция одухотворения и очеловечения ветра.

---

1. Библия. Первая книга Моисеева. Бытие. С.2.
2. Библия. От Иоанна святое благовествование. С.128.
3. Лаврентьевская летопись. Полное Собрание Русских Летописей (ПСРЛ). Т.I. М., 1962. Стб. 79.
4. "Слово о полку Игореве" / Серия "Литературные памятники". М., Л. 1950. С.14, 27, 82, 98.
5. "Задонщина" // Памятники литературы Древней Руси (XIУ - середина ХУ века). М., 1981. С.100.
6. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Выпуск 5. Р-С. Составитель В.Л.Виноградова. Л., 1988. С.225.
7. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т.I. М., 1965. С.320.
8. Барсов Е.В. "Слово о полку Игореве" как художественный памятник киевской дружинной Руси. Т.I. М, 1887. С. 365-366.
9. Исторические заметки о городе Судже и его уезде // Памятная книжка Курской губернии на 1894 г. Курск, 1894, С.13.
10. Вей М.К этимологии древнерусского Стрибогъ // "Вопросы языкознания". 1958. № 3. С. 96-99.
11. Абаев В.И. Несколько замечаний к славянским этимологиям. // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. С.13.
12. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 439-440.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.Ш. М., 1987. С.777.
14. Васильев М.А. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1987. М., 1989. С.133-156.
15. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян... Т.I. С.310-312, 490, 491, 502-503.
16. Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Книга I. Общий обзор епархии. Чернигов. 1873. С.5.

17. Афанасьев А Поэтические воззрения славян... Т.I. С.320.

18. Барсов Е.В. "Слово о полку Игореве"... Т.I. С.366.

19. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С.75.

20. Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования. Т.П. Малорусские сказки. СПб., 1878. С.15.

21. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1985. Т.П. С. 276-280; Т.Ш. С.248-252.

22. Майков Л.Н. Великорусские заклинания. // Записки Рус. Геогр. Общ. (РГО). Отдел этнографии. Т. П. СПб, 1869. С.426.

23. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян... Т.I. С.315.

24. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Часть 2. Народная словесность. // Тр. этнограф. отдела общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии. Книга V. Вып.2. М., 1878. С.56,59.

25. Головацкий Я.Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. Т I. М., 1878. С.259.

26. Сумцов Н.Ф. Некоторые черты сходства "Слова о полку Игореве" с южно-славянскими старинными песнями. К., 1893. С.3.

27. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т.I. СПб., 1887. С.298.

28. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян... Т.I. С.312-313; Афанасьев А Н. Народные русские сказки. Т.I. М., 1985. С. 108-109, 459-460; Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С.25.

29. Трунов А. Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной. // Записки РГО. Отд. этнографии. Т.П. С. 9-12, 14-15.

30. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян... Т.I. С.317,330.

31. Ефименко П.С. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874. С.67.

32. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Часть I. Описание внешнего и внутрен-

него быта. // Тр. этнограф. отдела общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии. Книга V. Вып.I. М., 1877. С.186.

33. Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т.IV. Народное погодоведение. СПб., 1905. С.109 - 133.

34. Сапунов Б.В. Ярославна и древнерусское язычество. //"Слово о полку Игореве" - памятник XII века. М.; Л., 1962. С.321-329.